

***Сергель Борис Иосифович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Сергель Борис Иосифович, 83 года, активист «Региональной организации «Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей», учитель истории.

СОМНЕНИЯ

В вагон электрички «Волховстрой-Петербург» я вошел на платформе «106 километр». Пассажиров было мало, я присел на ближайшую ко входу скамью. Моим соседом оказался средних лет мужчина. С первого взгляда я определил, что он не питерец и даже не житель ленинградской области. Разговорились.

У платформы «Войбокало» вагон остановился напротив знака «Дорога жизни». Прочитать надпись на знаке не представлялось возможным, да и электричка у платформы не задержалась. Сосед с вопросом обратился ко мне. Я кратко рассказал о ледовой Дороге жизни блокадного Ленинграда, о подвиге ленинградских девушек из подвижного мостоотряда, в две недели проложивших

железнодорожную ветку Лаврово-Войбакало. Она вывела Ледовую дорогу на Большую Землю.

Я посоветовал взглянуть на подобный знак у платформы «Поляны». Сюда вышла тоже построенная в кратчайшие сроки железнодорожная ветка после прорыва ленинградской блокады в январе 1943 года.

Слово за слово. Познакомились. Мой попутчик родился после войны, о ней он знает из средств информации и книг. В Петербург едет впервой, интересуется историей блокадного Ленинграда.

Тема разговора определилась. В меру своих возможностей, я озвучил основные моменты истории подвига Великого города. Сосед внимательно слушал.

Блокада Ленинграда и битва за Ленинград являются единым целым. Всё, что сделали ленинградцы и его защитники, превосходит подобные примеры древних — легендарные Трои и Карфаген.

- Вас интересуют потери ленинградцев. Потери огромны. В электронной памяти города 630 тысяч человек. В действительности их было значительно больше, около миллиона: не всех погибших и павших регистрировали, даже на Пискаревском кладбище. Основные потери гражданского населения - голод, страшный голод. Трёхгодичная битва за Ленинград унесла по последним данным 3,5 миллиона жизней.

- Имеет место мнение, что огромных потерь в блокадном кольце можно было избежать капитуляцией города.

- Молодой человек, глупость это. Более того, современная провокация, направленная на умаление и очернение подвига ленинградцев и защитников города.

Читайте подлинные документы фашистской Германии и только. Судьба Ленинграда была predetermined в планах оккупантов еще до начала войны. Вслушайтесь в слова «Фюрер хочет сравнить Ленинград с землей, не тратить боеприпасы, удушить город голодом, сравнив с землей, затопить пространство водой».

Идеи людоедов, идеи маньяка.

- А как обстояли дела с потерями Вермахта?

- Осада Ленинграда не явилась для немцев игрой в одни ворота. Безвозвратные потери военных исчисляются для каждой из сторон от 250 до 300 тысяч. Столько Вермахт не терял ни в одной победоносной войне в Европе.

- Скажите, а какова судьба немецких кладбищ? Ведь их, немцев, имелась возможность похоронить достойно?

- Хоронили и достойно, и кропотливо, и не на одном кладбище. Но после освобождения Ленинграда и области эти кладбища были без сожаления уничтожены. Поныне жители деревень и поселков Ленинградской области не одобряют попыток возрождения этих кладбищ, даже по просьбе ветеранских организаций Германии. Грозят выйти с охотничьими ружьями и перестрелять тех, кто попытается это сделать.

-Но это просто кощунство по отношению к мертвым?!

Я не торопился с ответом, однако глаз на его возмущенный вопрос не отвел.

- Молодой человек, прежде чем категорично судить сегодня, надо хорошо знать то время, время первых дней войны. Когда по нашей земле на Восток, упоенный легкими победами, шагал жестокий и беспощадный враг, остановить его тогда могли величайший героизм и ненависть к врагу. Война обернулась для оккупантов народной.

Слова Эренбурга «Убей немца!» тогда вовсе не казались антигуманными. Наоборот!

Когда всем стало ясным, что речь идет о судьбах нашего государства, о жизни или смерти каждого из нас, в армию добровольно пошли несправедливо отсидевшие в тюрьмах, в белорусских партизанах оказались раскулаченные крестьяне. Истерзанная большевиками православная церковь безоговорочно приняла сторону сражавшегося народа.

- О войне я знаю не понаслышке, позволю поделиться своими воспоминаниями.

Весной 1941 года мне исполнилось 11 лет. Я из тех моих сверстников, кто не успел взять во время войны в руки оружие, но мы тогда не по-детски воспринимали суровую действительность. Мы не только наблюдали, но и анализировали, поэтому лучше запоминали, и поэтому будем последними живыми свидетелями тех страшных дней.

Жили мы тогда в Новороссийске. Могли ли мои земляки, мои родственники представить в самом кошмарном сне, что к нам в город, находящийся в тысячах километрах от Германии, придут вражьи полчища и будут топтать кованым сапогом кубанские черноземы и вкушать виноград Абрау и Мысхако.

Но вот лето 1942 года. Немцы захватили Ростов на Дону. Танковые армии немцев нанесли сокрушающие удары на Ставрополь и Краснодар.

7 сентября 1942 г. По нашей улице Барклаевской заскрежетал немецкий танк. Тесно прижимаясь к стенам домов, к заборам, пробирались немецкие автоматчики. Шли в касках, с закатанными по локоть рукавами мундиров, точь-в-точь как палачи. К чести моих земляков, жители улицы встретили врага безмолвием.

Я первым в нашем дворе увидел танк и пехоту противника. Вскочив в подвал, где прятались наши родственники и соседи, крикнул «Немцы пришли!»

Все почему-то повалились на пол подвала, устланный соломой. Только одна моя тетька, старшая сестра моей мамы, Лукерья Кирилловна, осталась на своем месте. Охватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, она плакала и повторяла: «Пропала Россия, пропала наша Россия...».

Родственники жили кучно, двор ко двору, между собой общались через внутривдворовые калитки. Ночью немцы не решились заходить во дворы, а вот

рано утром следующего дня во дворе тети мы услышали истошный голос Лукерьи Кирилловны и проклятия в адрес немцев. Её слышала вся наша небольшая улица: «Палачи вы, грабители, воры! Будьте вы прокляты, чтоб вы все подохли, чтоб ваши кости навек лежали в нашей земле и чтоб ваши враги танцевали на ваших могилах!».

Естественно, мама, моя сестра, я бросились во двор тети. Мы застали такую картину. Два немецких солдата с автоматами на плече стоят перед тетей. Один из них с огромным глиняным горшком, заполненным до верха куриными яйцами (в хозяйстве тёти были куры). Как ни странно, немцы улыбаются. Тётя же продолжает их клясть на чем свет стоит.

Мы подались к ней с мольбой немедленно умолкнуть: «Тётя Луша, они же сейчас всех нас постреляют!!!». Наши опасения, вы понимаете, были не лишены основания. Однако солдаты оружия не применили.

На крики тёти во двор вошел немецкий офицер. Солдаты доложили ему в чем дело. Офицер самодовольно заулыбался, из кармана френча достал бумажник, вынул из него какую-то бумажку и бросил ее на землю. Бумажка оказалась оккупационной маркой.

В хорошем настроении, продолжая улыбаться, немцы покинули двор.

А произошло вот что. В то утро эти два немца зашли во двор потому, что слышали кудахтанье кур и крики петуха. По-русски они не понимали, но фразу «Мамка, яйки!!!», очевидно употребляли не впервой.

- Да Ваша тётя за сотню яиц международный скандал учинила!....

- Не судите строго мою тётю. Дело не в сотне яиц, и даже не в корове, которую свели в ближайшие дни с её двора. Злополучная сотня яиц была последней каплей, переполнившей чашу отчаяния и горя, которые переживали мы все, в особенности тётя. В состоянии аффекта она и выдала то, что испытывало её сердце.

А живыми мы остались только потому, что эти немцы абсолютно не понимали по-русски.

Преодолеть восточные окраины Новороссийска оккупантам так и не удалось. Бои в городе продолжались ровно год, но фронт на Восток не двинулся ни на йоту.

Гибли не только соотечественники, гибли и немцы. Своих солдат и офицеров хоронили не где-нибудь, а в центральном городском парке, который и сейчас называется Ленинским садом. Хоронили на века. Тысячелетний Рейх!

На самых почетных местах укладывали офицеров, краями- солдат. Хоронили по строгому плану: куда ни глянь - всюду ряд. На каждой могиле крест и каска.

Бои в городе затягивались, в Ленинском саду места были исчерпаны, надо было подыскивать новые площади. Новое кладбище решили заложить рядом с центральным городским базаром. Ради этого базар закрыли.

Я со своими сверстниками однажды наблюдал как проходили немецкие похороны. наших пожилых мужчин сгоняли рыть могилы, их тоже рыли по плану. С переднего края подвозили мертвецов и раскладывали у свежерытых могил. Участники похоронной команды вытаскивали из-под ворота мундира нательный медальон с персональным номером солдата.

Такой медальон, если пожелаете, можете увидеть в одной из витрин Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда в Соляном переулке Петербурга.

Так вот, медальон надламывался, верхняя часть со шнурком уходила в могилу, нижняя оставалась в распоряжении похоронной команды. Персональный номер фиксировался на плане. Таким образом, и сегодня немцы способны отыскать нужный прах.

Летом 1943 года сработал дьявольский приказ, подписанный лично Гитлером «Об отходе с Кубанского плацдарма». Он носил кодовое название «Манёвр Кримгильда». Вот его некоторые положения:

- Все гражданские лица, проживающие на плацдарме, должны быть переправлены в Крым, как и скот, сельскохозяйственное имущество.

- Все сооружения, жилые здания, постройки, дороги, плотины, должны быть разрушены на длительное время.

- Порт Новороссийск следует так разрушить и заминировать «чтобы русский флот длительное время не мог пользоваться им».

Свой преступный план немцы полностью выполнили. Жителей города, около 40 тысяч, поголовно угнали в Крым, на Украину, в страны Восточной и Западной Европы, где они были использованы согласно плану «OST».

В воспоминаниях начальника политуправления 18-ой армии Л.К. Брежнева есть такая фраза: «Митинг по поводу освобождения Новороссийска от немецких оккупантов мы не проводили: в городе население отсутствовало».

Жителей Новороссийска депортировали в Крым через порт Анапа. Нас использовали в качестве живого щита: в трюмах кораблей - военное имущество, техника, немецкие солдаты, на палубах - женщины, дети, старики.

Мы бросили всё: свои дома, имущество, нажитое поколениями, одежду, домашний скarb. Город и порт немцы при отступлении безжалостно разрушили.

Ну, а немцы и тётя Луша, тётя Луша и немцы рассчитались пятьдесят на пятьдесят. Тётя Луша и часть наших родственников были угнаны в Германию. И куда бы вы подумали — на родину основоположников научного коммунизма, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в Рейнскую область, концлагерь Гевельсберг. Концлагерь жесточайшего режима. Люди там пачками гибли от голода и непосильной физической работы. Умирили, прежде всего, мужчины. Не вынес тягот режима мой дядя Иван Кириллович, погиб муж тётя Луши поляк Осип Фабианович. В филиале Маутхаузена Флоридсдорф - АФА , под Веной, погибла младшая сестра тётя, моя мама, Елизавета Кирилловна.

Всего наша семья по маме потеряла на фронтах Великой Отечественной войны, от бомбежек, артобстрелов, в концлагерях 8 человек, не считая родных отца в Белоруссии.

Когда мои родственники, оставшиеся в живых, возвратились в Новороссийск осенью 1945 года, немецких кладбищ в городе уже не было.

Из рассказов очевидцев мы узнали об их судьбе. 17-18 сентября 1943 г., на второй-третий день после освобождения города от немецких оккупантов, в Ленинский сад въехал наш танк Т-34. Из люка танка выпрыгнул молодой лейтенант. Огляделся, подивился аккуратности немецкого кладбища. Говорят, произнес: «Какой порядок! А теперь мы наведём свой порядок»

Танк завертелся волчком, со звоном кастрюль полетели из-под гусениц немецкие каски. Такая же участь постигла и другое немецкое кладбище у базара.

В Ленинском саду была восстановлена танцплощадка. И поныне там теплыми летними вечерами танцует новороссийская молодежь.

Оставим решение вопроса о немецких кладбищах на суд наших потомков. Но пусть они всегда помнят, что сложив оружие и покоровшись фашистам, мы бы свою судьбу и судьбу Европы не облегчили. В 90-е годы имели место такие утверждения: не воевали бы с немцами - были бы в Европе, пили бы пиво. Я, несовершеннолетний узник Маутхаузена, категорически не разделяю это мнение. Я поддерживаю уважаемого мною режиссера Говорухина когда он сказал: «Не пиво бы вы пили, а помои хлебали до конца своих дней!».

Ну, а наш народ?! Народ наш удивительный! Первые немцы после войны боялись ехать в Ленинград, и по логике совершенно справедливо. Но, обратите внимание, никого не подстрелили, никого из-за угла ножиком не подрезали, даже пощечины не отвесили.

А моя тёща, Анастасия Васильевна, прошедшая все 900 дней ленинградской блокады, награжденная медалью «За оборону Ленинграда», еще до окончания войны тайком носила хлеб немецким военнопленным, работавшим над восстановлением разрушенного Ленинграда.

Электричка остановилась на платформе «Фарфоровская», я покинул вагон, мой попутчик проследовал на Московский вокзал.

Прочти эти строки

«В ночь на 14 апреля 1942 года части 33-й армии с исходного рубежа Швырёво- Жолобово (38 км юго-западнее Вязьмы) начали самостоятельный выход из окружения.

На рассвете противник обрушил огонь на двигавшиеся войска. В тот день особо сильно пострадали обозы. В лесу южнее деревни Швырёво немецкие танкисты настигли колонну с ранеными, всего 2193 человека. Их сопровождали 60 врачей, 107 человек среднего медицинского персонала, 204 возчика, главным образом подростки из окружающих деревень и сёл. Охраняла обоз рота красноармейцев в составе 93 бойцов и командиров.

Разыгралась страшная трагедия. Немецкие танки врезались в подводы и в течение трёх часов крушили повозки, коней и людей. Здесь, под гусеницами немецких танков, погибло более 2600 человек, в том числе медицинский персонал, который до последней минуты защищал раненных с оружием в руках»

Валерий Абатуров

«1941 на Западном направлении»

Москва «Яуза», «Эксмо», 2007.

Стр. 325-326

Участники боёв первых месяцев Великой Отечественной войны отказались использовать символы Красного креста для защиты госпиталей и средств транспортировки раненных, так как Вермахт наносил упреждающие удары авиации и артиллерии именно по этим символам.

Жестокая ирония войны

В конце 80-х годов прошлого века я посетил город моего военного детства — Новороссийск, уже город - герой.

У Центрального рынка, на месте старого Привоза, был разбит сквер с обширным зеленым газоном. На газоне стоял шатер цирка - шапито. Рядом большой рекламный щит, на щите надпись огромными буквами: «Цирк — шапито из ГДР».

Я сомневаюсь, что это было подстроено специально. Мало кто тогда еще знал, что именно здесь было немецкое кладбище. Явно этого не знали и молодые отцы города, родившиеся после войны.

**Воспоминания записала и оформила
Боткина Кристина
2012-2013г**